

15.08.01

Ефремов Михаил

АНДРЕЙ ВАНДЕНКО

Брежнев гладил меня по голове

— Стульями, Михаил, бросаться не будете?
— А когда это, интересно, я ими кидался?
— Вы же рассказывали, что накануне премьеры в вам лучше не совабить: под горячую руку можете зашибить чей-нибудь тяжелым.
— Ну, эмоциональные пережесты у всех случаются. Другое дело, кто какой способ разрядки находит. Я перед премьерами порой сильно нервничал.
— О том и говорю. Спектакль «Еще раз о голом короле», который вы недавно поставили в «Современнике», дался большой кровью?
— Пожалуй, нет. Только один день выдался боевым, пришлось попортить avvollo. Но, как бы там ни было, премьера позади, к чему теперь стулья ломать? Я ведь до спектакля бываю буйным, а не после... Вы же, наверное, знаете, как у нас обстоит ситуация: все делается в авральном режиме — артисты доучивают текст, монтируются декорации, дошиваются костюмы...
— Какие костюмы, если король голый?
— Все-таки узенькие трусики на нем были... Во всяком случае, я просил, чтобы были...
— А вам в жизни короли часто попадались? Хоть какие-нибудь — голые или одетые.
— Короли? Что-то не припомню.
— Правда? Почему-то полагаю, что в силу, скажем так, происхождения вы регулярно сталкивались с властями предрожаниями.
— А-а-а, вы об этих... Но они совсем не короли, уверю вас.
— А кто же?
— Люди, которые посвятили жизнь чему-то совершенно мне непонятному. Серьезные дядьки, без тени улыбки рассуждающие о своей ответственности за судьбы тысяч и миллионов сограждан. Разве можно к подобным речам относиться без иронии?
— Так с этими дядьками вы общались или нет?
— С этими... общался. Меня даже Леонид Ильич Брежнев гладил по голове. Я тогда был совсем маленьким, но все запомнил. Брежневская рука показалась мне пухлой и доброй. Дело происходило в Кремле, куда родители взяли меня на правительственный прием. Когда пошел в школу, я еще, наверное, лет пять рассказывал всем, что лично знаком с генеральным секретарем ЦК КПСС...
— Однако это не спасло вас от исключения из рядов юных ленинцев.
Да, из пионеров меня погнали — факт. Но тогда я был уже не ленинцем, а фашистом. Так меня назвали на пелосвете и, исключив из пионеров, выгнали из школы.
— А что вы учудили?
— На уроке физкультуры слернул с одноклассника трусы и заприхнул его голым в раздевалку к девчонкам...
— Визгу, наверное, было...
— Шум поднялся потом, когда учителя взялись разбирать мое поведение. Я не смог им объяснить, что с моей стороны это был обычный эмоциональный жест. Пришлось забирать документы и уходить.
— Отец не навелывался в школу с целью замолить грехи сына?
— По-моему, такого не случилось ни разу. Правда, однажды дед пришел.
— Борис Покровский — тоже не последний человек в нашей стране.
— Да, дед надел звезду Героя Соцтруда и пошел. Его мама попросила. Но это уже было, когда я учился в другой школе.
— Значит, ваши подвиги и там продолжались?
— Может, не в такой степени, поменьше, но перхлесты имели место...
— Поди, рано узнали, тяжела ли у отца рука?
— Он всего однажды дал мне по башке, но за дело... На Новый год нас оставили вдвоем с дедом, он заснул, а ко мне приехал друг, и мы с ним выпили бутылку французского коньяка «Курвуазье» и полтора литра сухого вина. Кажется, тоже французского.
— Неслабо погуляли, ребятки.
— Ага, особенно если учесть, что нам тогда было лет по двенад

цать или тринадцать... Естественно, в результате мы заблевали всю квартиру. Можете представить картинку, когда дед проснулся... На следующий день папа вернулся домой, и я понес заслуженное наказание.
— Наверное, отец в воспитательных целях заставил вас языком квартиру вылизывать?
— К папистому приезду уже успели навести порядок, всю родню ради этого мобилизовали...
— Ефремов-старший тоже был склонен к эмоциональным пережестам?
— Нет, отец обладал мощной силой воли и не позволял себе срывов на людях.
— Значит, вы не в него удались?
— Этим я пошел в маму. Она вечно очень нервничала из-за моих выходов, а папа все держал в себе, топил в глубине.
— А фразу «Ты позоришь фамилию» вам в свой адрес слышать приходилось?
— Не припомню... Хотя — нет, однажды все же удостоился чести. Папа купил «Мерседес» (а тогда их в Москве вообще не водилось, может, этот был единственным) и поставил под окнами. Я, восьмилетний балбес, вышел погулять во двор, забрался на крышу автомобиля и принялся там прыгать с криками: «Эта машина моего папы, моего папы!» Вопли достигли родительских ушей, после чего последовали немедленные оргвыводы...
— Ай-яй-яй! И за что вас Брежнев по голове гладил...
Кстати, о Леониде Ильиче. Мы отвлечлись от темы королей. По-моему, ваш отец поддерживал близкие отношения с и Михаилом Горбачевым?
— Михаил Сергеевич был папиным другом, но как раз он — не король, не из их породы. Это хороший, а главное — нормальный, адекватный человек. Два или три раза он даже приходил на дни рождения к отцу, терпеливо сносил происходящее вокруг.
— А что происходило?
— Гости же обычно собирались много, и каждому хотелось подойти к живому Горбачеву, задать вопрос, поддержать за руку.
— Вы продолжаете общаться с Горби?
— По большей части это лежит на сестре. Я, признаться, не очень люблю звонить — не хочется надоедать, навязываться...
Отец был очень благодарен Горбачеву, когда тот разрешил чудовищную проблему перенасыщения труппы МХАТа.
— Дочка моя, Ань-Мань, станет президентом Китайской России.
— Вы о разделе Художественного театра на два — имени Чехова и имени Горького?
— Ну да. В труппе числились двести человек, а работали от силы половина. Олег Николаевич неоднократно пробовал самостоятельно разубить тугой узел, но каждый раз наталкивался на непреодолимое препятствие: у знаменитых артистов театра были собственные связи в верхах, и когда заходил разговор, что необходимы радикальные сокращения численного состава, обязательно отыскивался могущественный противник этого решения. Только Горбачев вынул аргумент и позволил провести реформу.
— Знаете, с того момента прошло более десяти лет, однако до сих пор спорят, стоило ли дробить театр. Мол, хотели получить два МХАТа, а не осталось ни одного...
— Однажды Станиславского спросили, что такое Художественный театр. Он ответил: это — когда весело, интересно, захватывающе. Задававшие вопрос пожелали уточнить: цирк, что ли? Классик согласился: и цирк. Понимаете? МХАТов может быть хоть двадцать пять. Главное, чтобы в них зритель не скучал. Не в названии ведь дело, а в содержании. Если находятся талантливые люди, способные клинировать МХАТ, что же в этом плохого? Вот Ксюша (Ксения Качалина — жена Михаила Ефремова, актриса. — А.В.) родила мне дочку Анну-Марию и называет ее своим клоном.
— Как, вы сказали, дочь зовут?
— Анна-Мария.
— Вроде бы не в наших традициях детям двойные имена давать.
— У меня обе бабушки — Аня, а у Ксюши — Маши. Родилась доч

15.08.01

ка 14 октября, на Покров Пресвятой Богородицы, а следующий день, 15-е, в святцах записан как именины Анны Кашинской. Так что все сошлось одно к одному. По правде сказать, крестили мы дочь как Анну, но все ее знают под двумя именами. Недавно батюшка позвонил и спрашивает: «Как там Ма... ой, извините, Анна?» Он же ее крестный...
— А вы-то как ребенка кличете?
— Ань-Мань. Между прочим, с именем мы очень дальновидно поступили. Ведь все православные старцы спорят, что скоро будет большая война с Китаем.
— Да ладно вам!
— Точно! Лет, может, через двадцать. Тогда Ань-Мань станет первым президентом Китайской России. Или Российского Китая.
— Вижу, не можете вы жить без королей, королев или хотя бы президентов. Так и льете к сильным мира сего.
— И вы бы льнули, если бы вас в детстве Брежнев приласкал...

А может, и не станет Ань-Мань крупным государственным деятелем, а будет ученым или, например, художником.
— Сомневался. По-моему, ваш род навек с театром повязан.
— Почему? У моей сестренки явный литературный талант. Папа всегда говорил: «Миша будет на сцене играть, а ты, Настя, пиши». Правда, лет десять, пока в России меняли коммунизм на капитализм, сестра просидела на даче с детьми и собаками, поэтому несколько оторвалась от жизненных реалий. А тут тогда два назвал окупалась в действительность и сделала для себя много открытий: оказывается, люди бизнесом занимаются, карьеры строят. Настя с большим энтузиазмом взялась за дело, она вообще натура энергичная.
— Ладите с сестрой?
— Говорят, я ее ударил по голове игрушечным мотоциклом, когда мне было года четыре, а ей соответственно десять. Вроде даже рассек кожу на башке, но, по-моему, Настя обид за это не держит. Во

всяком случае, помню, как уже после мотоциклетной атаки мы вместе играли в космос. Сестра красила себе лицо белилами, становилась в эффектную позу и говорила: «Я — Аэлита!»
— А вы кем были?
— Зрителем.
— Не пытались режиссировать?
— Этот талант я обнаружил в себе уже в институте. Вернее, даже в армии. Меня ведь забрали после первого курса. Это был 1982 год, когда на срочную службу гребли всех, включая студентов. Поскольку у уже имел какое-то театральное образование, пусть и начальное, в части мне доверили постановку программы, посвященных всем красным датам — 8 марта, 1 мая, 7 ноября... А первые полгода я действительно служил, реально.
— Но вы ведь, наверное, могли вообще откосить от армии?
— Это вопрос принципиальный. Я хотел, чтобы все было по-честному. Помню, даже написал заявление с просьбой направить меня в Афганистан. Правда, не по

тому, что такой уж отчаянный патриот. Мне казалось, что в Афгане теплее, чем в Вышнем Волочке, где я служил. Холодина в ту зиму стояла жуткая, я всерьез опасался не дожить до весны. К счастью, полковник Миляев, командир части, перед тем, как подписать мой рапорт, догадался позвонить в Москву родителям. Мама пришла в совершеннейший ужас, примчалась в полк и принялась уговаривать меня забыть об Афганистане. В общем, я остался в Вышнем Волочке. Кстати, наша часть располагалась на территории старинного монастыря, где в 20-е годы снимался фильм «Праздник святого Йоргена». Так что и в армии я с искусством каким-то боком соприкоснулся...
По прошествии лет службу вспоминаю без негативных чувств, считаю, те два года не были бесполезными для меня. Правда, к сегодняшней армии отношусь более настороженно. Все-таки она воюет не где-то далеко, а в России.
— Сыновьям вашим сколько?
— Вот-вот, я об этом и думаю.

Никите 30 мая исполнилось 13 лет. Коле 16 августа будет десять. Время так летит, что оглянуться не успеешь, как моих мальчишек в призывники запишут. Надежда, что ребята толковые, выучатся чему-нибудь путному, и если пойдут служить, то хотя бы при штабе. Сын-вья у меня умные. И хитрые.

Бывают у меня и тяжкие похмелья. но и периоды трезвости случаются. Не надо думать, будто я каждый день бухаю. Всегда есть возможность остановиться.

ные, доложу вам, ощущения. Может, с той поры и не люблю митингов и демонстраций...
— Вы живете в квартире Олега Николаевича?
— Жили. Недавно сняли дачу за городом.
— А чем вас жилье на Тверской не устраивает?
— С маленьким ребенком там совершенно невозможно находиться. В квартире, конечно, есть кондишн-фигишн, но все равно остается ощущение грязного воздуха. Да и вообще как-то неуютно в центре.
Помню, в детстве жил у бабушки в доме артистов Большого театра. Здесь же, на Тверской — напротив гостиницы «Минск». На все советские праздники просыпался от звуков маршей и здравий, несущихся из репродукторов. Не самые прият-

кабинет Олега Николаевича, но и этого не случилось. Все вещи, книги отца очень быстро перетаскивали в музей Художественного театра, где директором работает человек, мне, откровенно говоря, малоприятный. Может, Настя о чем-то сумеет дого-

вориться — она же сейчас создает фонд «Дом Олега Ефремова». В почитательский совет вошли Михаил Горбачев, Егор Яковлев, Галина Волчек, кажется, Олег Табаков. Я, признаться, в это не слишком вникаю.
— Даже ради памяти отца?
— Настя сама все сделает. Если у нее станут возникать проблемы, скажет, тогда подключусь. Я даже 24 мая, в годовщину смерти отца, в театр не пошел. Утром был на кладбище — и все, во МХАТ не поехал, хотя приглашение мне передал. Через маму.
— Почему не напрямую?
— Наверное, боялся звонить.
— Значит, отношения с дирекцией театра у вас по-прежнему аховские?
— А с чего им меняться, если там работают те же типы? Остаюсь при убеждении, что в творческом коллективе не должно быть такого количества чиновников и бюрократов. Они способны задушить любое дело.
— И Табаков ничего не в силах изменить во МХАТе?
— Олегу Павловичу сейчас не позавидуешь. МХАТ — это достаточно сложный механизм... Словом, надо дать Табакову пару лет спо-

— Себя, только себя... Понимаете, когда ставишь спектакль, важно создать атмосферу. В театре главное — любовь. Эту формулу вывел мой друг Сергей Шапкин. Чтобы добиться качества, режиссеру нужно самому быть искренним, честным, в том числе в мыслях и словах. Кстати, по атмосфере мне нравится сегодняшний «Современник». Там, конечно, тоже грызутся и плетут интриги, но ни один не делает большой подлянки другому. Разве только так, по мелочи... Есть в этом театре внутренняя интеллигентность.
— Поэтому вы к нему и тянетесь? Соленого в «Трех сестрах» сыграв, филатовского «Голого короля» поставили...
— Сейчас новый проект намечается. Дмитрий Жамойда, который у меня играет короля, хочет поставить инсценировку чеховской «Дуэли». Мы как бы меняемся ролями: теперь Дима будет режиссером, а я актером. Мне нравится работать с молодыми.
— Себя, значит, в старики записываете?
— Тридцать восемь в этом году исполнится. По-моему, подходящий возраст, чтобы критически оценить сделанное и не строить особых иллюзий.
— Самодество уважаете?
— Это у меня в крови. Я ведь Скорпион, так что хаваю себя с большим аппетитом... Слава Богу, спасает, что у меня энергии много.
— Неужели всю в работу направляете?
— По-разному. Иногда в семью ухожу, иногда... еще куда-нибудь.
— Куда?
— Куда-куда... А то не знаете!
— Пьянству — бой?
— Я давно пытаюсь всем доказать, но почему-то безуспешно... Наверное, из-за того, что пару раз действительно крупно обоссался... Словом, я не алкоголик, а жизне-радостный пьяница. Бывают у меня и тяжкие похмелья, но и периоды трезвости случаются. Не надо думать, будто я каждый день бухаю. Всегда есть возможность остано-

— Да? Вы говорили об отце, что он — сильный человек. Тем не менее Олег Николаевич пил, хотя знал, чем все закончится.
— О папе все в свое время сказал мой дед. Когда Ефремова назначили художественным руководителем МХАТа, Борису Александровичу Покровскому заявил: алкоголик не может быть режиссером главного драматического театра страны. После смерти Олега Николаевича мама напомнила деду его слова. Тот подумал и сказал: «Но ведь он и когда пил — работал!» Наверное, так можно сказать и обо мне. И не оправдания я ищу, нет. Слишком сложная, нервная профессия досталась мне по наследству. Посмотрите историю. Среди режиссеров бывали и самоубийства, и случаи сумасшествия. Может, спиртное как способ забыть, на время оторваться от проблем, не худшее средство? Ведь приходится постоянно за кого-то отвечать, решать чьи-то судьбы. Трудное это дело.
— А за кого вы в ответе?
— За жену, дочку, маму, тещу. За бабушку, дядю, дедушку и его жену. Это, конечно, моя внутренняя ответственность, они могут об этом и не догадываться. Но я-то знаю, что не имею права их обманывать и совсем уж расстраивать. Вот и держусь.

михаил ефремов: «амоедство у меня в крови»

У Михаила Ефремова стойкий имидж современного infant terrible. Заложник образа периодически предпринимает вялые попытки доказать, мол, «я другая, я жду трамвая», а потом в очередной раз капитулирует: хотите видеть меня таким — ради бога, кушайте.

Муж-режиссер с женой-актрисой разыгрывают «семейную сцену» для «Собеседника»

койно поработать, разобраться в ситуации, все верно оценить.
...Олега Павловича я очень люблю, достаточно сказать, что при поступлении в Школу-студию МХАТ писал сочинение на тему «Мой любимый артист» именно о Табакове. Помню Олега Павловича с детства, так же, как, к примеру, и Евгения Александровича Евстигнеева, который жил с нами в одном доме, этажом ниже. В детстве у нас и компания была своя — Антон Табаков, Денис Евстигнеев да я. Иногда еще Женька Митта присоединялся.
— Получается, из вашей четверки только Табаков-младший изменил высокому ради хлеба насущного — потрафляет чревоугодникам?
— По-моему, Антон давно нашел себя и доказал состоятельность в бизнесе.
— Вы его примеру последовать не пробовали?
— Бесполозно. Эта ерунда, видимо, передалась мне на генном уровне. Мама рассказывала, как они во время войны жили в эвакуации, и однажды бабушка громко заявила: «Все, я устала от вашей бесхозяйственности и отныне буду сама торговаться на рынке». Действительно, она отправилась в торговые ряды, с решительным видом подошла к какой-то женщине и спросила: «Почем редиска?» Та ответила: «Двадцать пять копеек пу-

фото на развороте Олега Королёва